

— Я запас очень-очень много вкусного молока! Но это всё для Вашего Высочества, пятого и шестого братьев!

Лу Цзыяо протараторил целую кучу строгих угроз, а закончил вопросом: «Ваше Высочество, вы будете молоко?», чем лишь укрепил в сознании толстопуза свой давний образ: «Может ли Яояо глупеть еще сильнее?».

Лу Цянь молчал, тихо позволяя маленькому компаньону обнимать себя.

Лу Цзыяо поднял голову, встретившись взглядом с этими спокойными светлыми глазами, и вдруг почувствовал неловкость.

Молчаливый толстопуз казался как-то по-обманчивому взрослым.

К тому же от прежней детской пухлости и второго подбородка, умалявших красоту Лу Цяня, не осталось и следа. Одного его взгляда хватало, чтобы любой человек почувствовал смущение и собственное несовершенство — так что смущение Лу Цзыяо было вполне естественным.

Пытаясь скрыть свое замешательство, Лу Цзыяо опустил голову и скороговоркой затараторил ещё больше глупостей.

Лу Цянь же всё так же молчал, позволяя «старому отцу» заходить всё дальше в пополнении цитатника глупостей.

Вот уж непутевый детеныш!

Но Лу Цзыяо нравился именно такой детеныш. Вернувшийся триумфатором властелин и должен обладать подобным величием. Если бы детеныш увлеченно понёс вместе с ним чушь, он, чего доброго, даже разочаровался бы.

Словом, что бы Лу Цянь ни делал, в глазах Лу Цзыяо это всё равно было прекрасным. Из-за этого он не сразу заметил нездоровую холодность и оцепенение на лице толстопуза.

Пятый и Шестой детеныши едва осмеливались узнать собственного седьмого брата.

Лишь когда стражники ворвались в сад и обратились к Лу Цяню: «Князь Нин», пятый принц застыл и сделал шаг вперед, чтобы разглядеть его получше.

— Седьмой брат? — тихо позвал пятый принц.

Лу Цянь повернулся к нему:

— Пятый брат.

У принца-«радиоприемника» мгновенно покраснели глаза, а губы задрожали.

«Брат ведь не собирается плакать?» — Лу Цянь настороженно покосился на стражников неподалеку, взглядом давая пятому брату понять, чтобы тот не позорился.

Пятый принц и сам всегда был из тех суровых мужиков, что прольют кровь, но не слезу. Однако сейчас он просто не мог сдержаться. Сжав кулаки и дрожа губами, он с честью попытался выкрутиться:

— Брат, конечно же, не плачет! Это просто дымом от пожара глаза заело!

И с этими словами слезы из глаз пятого принца хлынули настоящим фонтаном!

Окружавшие их стражники погрузились в молчание, усиленно притворяясь слепыми.

— Ваше Высочество, не расстраивайтесь, — Лу Цзыяо с неохотой отпустил толстопуза и повернулся, чтобы утешить Пятого детеныша. — Теперь все вернулись, всё позади.

— Я не расстраиваюсь! Говорю же вам, дымом глаза заело! — всхлипывая, проговорил пятый принц.

Лу Цзыяо тут же повернулся и подал знак Лу Цяню, чтобы тот лично утешил пятого брата.

Под бесстрастным взглядом Лу Цяня пятый принц стиснул зубы, изо всех сил пытаясь перекрыть напор своего фонтана.

И в этом молчаливом поединке взглядов двух братьев — вдруг!

— Смотрите туда, — Лу Цянь обернулся и указал на восточные ворота сада.

Толпа стражников инстинктивно повернула головы!

И в это коротенькое мгновение!

Лу Цянь подался вперед, быстренько обнял пятого брата и тут же ловко отстранился, посчитав задачу по утешению выполненной.

Объятие оказалось столь неожиданным, что пятый принц отвлекся, и фонтан слез наконец перестал брызгать.

*

Третий принц был схвачен, а его сторонники при дворе в ту же ночь были арестованы наполовину.

Тун Нинчжао погиб в битве за город, когда нападали удельные князья, тун-фэй также взяли под стражу до суда. Небо Великой Ци наконец прояснилось.

Вечером Лу Цзиньань и Лу Цянь беседовали в беседке.

Не видевшись больше года, Лу Цзиньань хотел сказать тысячу слов — например, расспросить младшего брата, как тот устроил заговор с дворцовыми чиновниками и как тайком объединил пяти удельных князей.

Но с губ у него слетело лишь:

— Это старший брат недоглядел... После кончины священного батюшки пришлось разбираться с кучей дел, и старший брат не смог как следует позаботиться о тебе.

Лу Цянь смотрел на старшего брата без особых эмоций.

Лу Цзиньань глубоко вздохнул:

— Я не оправдал надежд священного батюшки, но, к счастью, есть ты. — Он повернулся и с горькой ухмылкой посмотрел на Лу Цяня: — Священный батюшка не ошибся в человеком.

Лу Цянь всё так же равнодушно смотрел на него и спустя долгое время тихо произнес:

— Ваш покорный слуга не оправдал надежд священного батюшки.

Лу Цзиньань прищурился от замешательства:

— Почему ты так говоришь?

Лу Цянь повернул голову к закатному солнцу на краю неба и отстраненно ответил:

— Священный батюшка хотел, чтобы ваш покорный слуга взвалил на свои плечи поднебесную предков. А ваш покорный слуга сказал, пусть несет батюшка, а когда вернутся старший и пятый братья, они понесут вместо него. Ваш покорный слуга не захотел нести... И священный батюшка, узнав об этом, больше не очнулся.

Услышав это, Лу Цзиньань опешил и поспешно возразил:

— Седьмой, священный батюшка скончался из-за неизлечимого яда на стреле! Всё это не имеет к тебе никакого отношения!

Лу Цянь все так же отрешенно смотрел на далекий закат, негромко предаваясь воспоминаниям:

— Ваш покорный слуга не захотел брать бремя, священный батюшка заволновался и всё время кашлял.

Лу Цзиньань был ошеломлен ледяным выражением лица младшего брата. Он бессознательно обнял его за плечи, будто пытаясь согреть эту маленькую ледяную гору:

— Лу Цянь, не бери в голову глупости! Смерть священного батюшки в бою никак с тобой не связана!

Наступило молчание.

Лу Цянь равнодушно повернул голову к старшему брату:

— На самом деле ваш покорный слуга был согласен нести это бремя.

Лу Цзиньань вздохнул с облегчением и терпеливо, мягко спросил:

— Так почему же ты тогда не согласился?

— Нельзя было соглашаться, — сказал Лу Цянь.

— Почему? — недоумевал Лу Цзиньань.

— Если бы согласился, священный батюшка, прямо как угасающие родители из народных сказов, со спокойной душой закрыл бы глаза, и его зарыли бы в землю, — ответил Лу Цянь.

Лу Цзиньань больше года не общался с седьмым братом, поэтому ему потребовалось некоторое время, чтобы понять смысл его слов:

— Ты боялся, что священный батюшка, подобно героям из пьес, уладит все заботы и уйдет из жизни?

На лице Лу Цяня наконец проступили хоть какие-то эмоции — досада и обида. Он с затаенной злобой посмотрел на старшего брата:

— Именно так! Перед смертью все заставляют исполнить их последнюю волю. Стоит согласиться — и человек умирает. Если бы я согласился, священный батюшка закрыл бы глаза. Вот я и притворился, что не хочу соглашаться.

Лу Цзиньань лишился дара речи.

Спустя целый год он наконец услышал, что таилось на душе у младшего брата.

Оказывается, все это время ребенок мучился из-за слов, произнесенных перед кончиной императора.

Тогда Лу Цянь верил: если вести себя не так, как пишут в книжках, то и развязка будет иной. Поэтому до самой кончины отца он притворялся абсолютно безответственным.

Но в итоге Лу Цянь так и не смог удержать отца — тот ушел, унеся с собой тревогу.

Лу Цзиньань понимал младшего брата. Он знал, что тот не умеет выразить сокровенное в душе сожаление, и потому совершает безумные поступки, пытаясь всё загладить.

— Лу Цянь, — Лу Цзиньань поглядел на седьмого брата. — Все эти заботы изначально должен был взять на себя я, твой старший брат. Даже если ты не согласился, ты не совершил ничего дурного. Священный батюшка не стал бы винить тебя. Скорее уж меня...

Его голос вдруг задрожал, и он с горькой ухмылкой сказал Лу Цяню:

— Знаешь, что я сказал священному батюшке напоследок? Я солгал ему. Сказал, что уже спас пятого брата, хотя тот все еще оставался во вражеском лагере, а наш заложник сбежал. Я солгал батюшке и так и не признался в вине за то, что самовольно вернулся во дворец. Если батюшка кого и винит, так это меня, а не тебя! В самом конце батюшка даже прямо признался мне...

Лу Цянь молча смотрел на старшего брата.

— «Седьмой — мой самый любимый ребенок», — прямо так и сказал священный батюшка! — Лу Цзиньань улыбнулся. — Мы, братья, от зависти сгорали! Тебя даже рядом не было, а батюшка всё равно не пожелал сказать хоть пару ласковых слов, чтобы потешить нас. Батюшка так сильно тебя любил, Лу Цянь! Он бы никогда тебя не обвинил.

— И что с того? Священного батюшки всё равно больше нет, — Лу Цянь равнодушно отвернулся. — Яояо тоже уйдет. Старший брат тоже уйдет. Матушка-наложница тоже уйдет... Бессмыслица.

Сердце Лу Цзиньаня вздрогнуло. Только сейчас он осознал, что с младшим братом происходит что-то совсем неладное.

Примечание автора:

Малыш вступает в фазу потемнения!

Ответы на частые вопросы из комментариев:

1. Почему никчемный третий принц внезапно стал таким могущественным?

Ответ: Дело не в силе третьего принца, а в могуществе стоящей за ним группы интересов.

Эта группировка — сила, возвращенная самим Императором. Помимо армии семьи Тун, заслужившей почет в боях с пиратами, влияние семьи Тун при дворе использовалось Императором для уравнивания чиновничества.

Это ровно та же логика, по которой сунский Хуэй-цзун возвысил Цай Цзина, а минский Цзяцзин — Янь Суна. Древним правителям необходимо владеть искусством сдержек и противовесов. И то, насколько тонко правитель соблюдает эту меру, отличает мудрого государя от бездарного.

Именно потому, что власть семьи Тун была дана обладавшим реальными полномочиями Императором, этот болван, третий принц, мог столько лет безнаказанно творить произвол в дворцовых покоях.

Император планировал расправиться с семьей Тун в преклонном возрасте, оставив лишь пару недобитков наследным принцу для поднятия авторитета. Однако умер слишком рано.

Император изначально видел политические изъяны наследного принца — тот был чересчур идеалистичен. Правитель намеревался лично, через реформы, обучить его подкованным правилам чиновничьего мира, но не успел.

Скинуть такой развал на наследного принца — даже ему пришлось бы несладко. К тому же без покровительства священного батюшки его самовольное возвращение во дворец лишало его твердой почвы под ногами, а посмертный указ переписали, оставив его уязвимым со всех сторон.

2. Почему наследный принц кажется не таким идеальным, как раньше? Это нарочитое очернение, чтобы освободить место для Седьмого?

Ответ: Наследный принц с самого начала не был идеален. При его первом появлении Лу Цзыяо уже упоминал, что проведенные принцем в оригинальном романе реформы похожи на реформы Ван Аньши. Разбирая причины провала тех реформ, можно заметить, что наследный принц по натуре — идеалист, к тому же слишком добрый и эмоциональный.

<http://bllate.org/book/18379/1767221>